

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Ольга Владимировна ЗАЛЕСКАЯ,
кандидат исторических наук. Бла-
говещенский государственный пе-
дагогический университет

Осенью 1919 г. части Красной Армии нанесли серьёзные поражения войскам А. В. Колчака: 14 ноября красными был взят г. Омск, 14 декабря — Новониколаевск, 20 декабря — г. Томск. В условиях явной слабости колчаковского режима в Сибири и на Дальнем Востоке активизировалась деятельность умеренных социалистических партий. В ноябре 1919 г. в Иркутске из представителей всесибирского краевого комитета партии эсеров, бюро Сибирской организации РСДРП меньшевиков, земских и городских самоуправлений был сформирован орган «временной революционной власти» — Политический центр. В декабре 1919 — начале 1920 г. Политцентр принял активное участие в организации свержения колчаковской власти. Для стабилизации обстановки в регионе он выдвинул идею образования автономного демократического буферного государства. 19 января 1920 г. в Томске состоялось совместное заседание представителей Сиббюро ЦК РКП(б), Сибревкома, 5-й Армии и Политцентра, на котором предложение о создании «буфера» было озвучено и поддержано. 21 января в телеграмме на имя Реввоенсовета 5-й армии идею «буфера» одобрил В. И. Ленин.

К февралю 1920 г. в ЦК РКП(б) вопрос о создании «буферного государства» был решён. 18 февраля секретарь ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинский телеграфировал Сиббюро ЦК: «Политбюро ЦК, безусловно, за политику поддержки «буферного государства». Противники этой политики обязаны прекратить свою оппозицию под угрозой строгого наказания»¹. Для политического руководства созданием и деятельностью «буфера» было организовано Дальбюро РКП(б), подчинённое Сиббюро ЦК.

Возобновление Польшей военных действий против Советской России и вооружённые выступления японских войск 4—5 апреля 1920 г. во Владивостоке, Хабаровске, Никольске-Уссурийском, Спасске и других городах Дальнего Востока оправдали целесообразность создания «буферного» государства. В. И. Ленин так объяснял причины его образования: «...обстоятельства принудили к созданию буферного государства в виде Дальневосточной республики... вести войну с Японией мы не можем и должны всё сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без неё...»²

6 апреля 1920 г. съезд трудящихся Прибайкалья поддержал идею создания Дальневосточной республики (ДВР) и провозгласил её образование. 14 мая 1920 г. ДВР была официально признана правительством РСФСР, которое стало оказывать финансовую, дипломатическую, хозяйственную и военную помощь. ДВР являлась формально независимым государством, но руководство Дальбюро обеспечивало реализацию в республике программных установок партийного руководства РСФСР.

28 октября 1920 г. в Чите открылась конференция областных дальневосточных правительств, где было образовано новое правительство ДВР, которому вручалась вся полнота власти. Местные правительства стали органами областного управления. Верховная государственная власть в ДВР принадлежала однопалатному Народному собранию. Оно формировалось на основе всеобщих выборов сроком на два года и соединяло в себе черты Всероссийского съезда Советов РСФСР и парламента буржуазного государства. Собрание принимало и осуществляло законы ДВР, хотя и не являлось постоянно действующим учреждением³.

Созданная с учётом требований интервентов ДВР являлась демократическим государством с элементами парламентаризма. В Конституции ДВР, разработанной под руководством А.М. Краснощёкова и признанной одной из самых демократических того времени, нашли отражение нормы советского и американского законодательств. При создании этого документа были учтены особенности политической обстановки на Дальнем Востоке и в Забайкалье в 1921 г. В Конституции законодательно закреплялась новая экономическая политика, допускались свободное предпринимательство, государственная, частная и кооперативная торговля, многообразие форм собственности⁴. На демократических принципах в Конституции ДВР разрабатывалась и национальная политика.

Национальный вопрос в ДВР был чрезвычайно сложным, что обуславливалось наличием многонационального населения. Необходимо было строить национальную политику в республике с учётом этнокультурных и хозяйственных интересов всех этнических групп. Разработка принципов национальной политики в ДВР требовала пристального внимания ещё и потому, что республика граничила с рядом зарубежных государств Дальнего Востока и практическое осуществление политики равноправия народов имело огромное значение для революционизации восточных этносов⁵. В своём обращении «Ко всем бурят-монголам Дальневосточной республики», опубликованном 21 июля 1920 г. и адресованном всем народностям и национальным меньшинствам Дальнего Востока, правительство ДВР одной из важных задач признало «...помощь и содействие в деле устройства жизни и быта и удовлетворения национальных чаяний трудящихся масс народов Дальнего Востока», к которым обратилось правительство, призывая вести непримиримую борьбу с врагами русского и бурятского (или любого другого) трудового народа⁶.

Осуществление национальной политики в ДВР отразилось на организационной структуре партийного и государственного аппарата республики. 29 апреля 1921 г. было учреждено Министерство по национальным делам ДВР. Вопросы национальной политики рассматривались на заседаниях Дальбюро ЦК РКП(б), партийных конференциях и пленумах. На краевом совещании секретарей обкомов, горкомов и уездных комитетов РКП(б) ДВР в октябре 1921 г. была принята резолюция о работе среди нацменьшинств, в которой, в частности, говорилось: «В настоящее время работу среди корейцев, китайцев и бурят, которую начали облкомы, продолжить... ускорить создание при Дальбюро центра как инструкторского, так и снабжения литературой»⁷.

Национальная политика в ДВР, несмотря на специфику задач и структуры этого государственного образования, была ориентирована на политику советского руководства, Коммунистической партии как руководящей в советском государстве и базировалась на общей марксистской концепции и теоретических разработках сущности национального вопроса основоположниками марксизма-ленинизма, а также на документах, разработанных и принятых после Октября 1917 г. Приоритетным направлением в этом вопросе являлось обеспечение всем

национальностям и нацменьшинствам экономического и правового равенства, а также интернационализация духовной и экономической жизни наций.

Национальные меньшинства составляли приблизительно 35% общего числа жителей республики. Это были национальные диаспоры и этнические группы аборигенов. Одну из них составляли китайские мигранты, причём, пользуясь особым статусом, они рассматривались и как иностранцы, и как национальные меньшинства ДВР. Как иностранцы были обязаны получать в органах милиции виды на жительство, как национальным меньшинствам на территории ДВР им предоставлялось право на образование, открытие своих печатных органов, вступление в профсоюзные и партийные организации и т.д. Интересам китайских мигрантов отвечало и право национальных меньшинств на национально-культурную автономию, провозглашённое в Декларации объединительной конференции областей Дальнего Востока и Забайкалья и закреплённое в Конституции ДВР.

Создание национально-культурной автономии — одна из альтернатив решения национальных проблем в России. Идея автономии, предложенная в конце XIX в. австрийскими социал-демократами К. Реннером и О. Бауэром, была моделью национально-персональной, экстерриториальной автономии, согласно которой источником и носителем национальных прав являлись не территории, а сами нации и их союзы, которые конституировались на основе добровольного, личного волеизъявления. Народ становился субъектом права для удовлетворения своих культурных, языковых интересов. Охрана национальных меньшинств от посягательств извне заменялась признанием за ними определённых полномочий, т.е. меньшинства приобретали право быть конституированными как публично-правовые корпорации⁸. При реализации этой идеи как экстерриториальной формы национальной самоорганизации этническое сообщество не обязательно должно жить компактно, поэтому такой путь урегулирования национальных проблем представляется действенным даже в том случае, когда меньшинства дисперсны. Вместе с тем неременным условием развития культурно-национальной автономии является консолидация национальной группы, проявляющаяся во внутреннем сплочении их членов на основе общности языка, интересов, ценностей, исторического прошлого⁹.

На высшем законодательном форуме республики — Учредительном собрании ДВР — было единогласно принято положение, согласно которому «всем мелким туземным народностям и национальным меньшинствам» республики гарантировалось «право широкой автономии». Конституция ДВР, принятая Учредительным собранием 27 апреля 1921 г., подтверждала право национальных меньшинств на культурно-национальную автономию, осуществляемую органами национально-самоуправления, избираемыми всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием с применением пропорционального представительства¹⁰. Ст. 121 Конституции ДВР гласила: «...всем национальным меньшинствам, проживающим на территории республики, предоставляется культурно-национальная автономия»¹¹.

Согласно Конституции культурно-национальная автономия, предоставленная малочисленным народам, основывалась на народовласти и национальном самоуправлении. Местные органы власти, состоявшие из представительных органов государственной власти (собраний уполномоченных) с их исполнительно-распорядительными учреждениями (управлениями) и эмиссаров (уполномоченных) правительства в областях, строились также на основах демократии¹².

Министерством по национальным делам ДВР был разработан проект закона об автономии национальных меньшинств, согласно которому национальные меньшинства (украинцы, корейцы, тюрко-татары и евреи) получили возмож-

ность объединения в автономные национальные союзы со своими представительными и исполнительными органами, имеющими публично-правовой статус. Граждане всех других национальных меньшинств для осуществления своего права на национальное самоуправление должны были подать заявление в Министерство по национальным делам. «Право отдельных граждан на их участие в культурно-национальном самоуправлении зависит не от места жительства, а от принадлежности к данному национальному меньшинству. Так как принадлежность эта не всегда может быть определена на основе объективных признаков, то критерием национальной принадлежности приходится избрать субъективное сознание лица, его личное заявление, и уже на основе таких личных заявлений может быть конституирована известная государственно-правовая общность — национальный союз...», — утверждалось в объяснительной записке к проекту, который был разработан в соответствии с классической моделью национальной автономии. Характерными чертами её являются экстерриториальность, персонализм и признание национальных сообществ коллективными субъектами права¹³.

Вместе с тем в соответствии с концепцией национально-культурной автономии предоставляемое национальным группам право на собственную культуру и язык не означало права на создание ими (этими группами) собственного государства, как и не предполагало исключительного статуса для какого-то одного из многочисленных культур и языков на какой-то части государственной территории. Классическое понятие культурно-национальной автономии не требует признания за меньшинствами особых политических прав. Этнические и религиозные общины или землячества должны были стать субъектами культурной политики¹⁴.

Проект закона «Об автономии национальных меньшинств» был одобрен на Особом совещании Совета министров ДВР. Однако Дальбюро ЦК РКП(б) его отклонило, направив на доработку. 29 августа 1922 г. Дальбюро утвердило «Тезисы по национальной политике ДВР», согласно которым национальная политика республики должна была определяться в соответствии с указаниями правительства РСФСР. Хотя формально Дальбюро не отменило принятого в Конституции ДВР принципа национально-культурной автономии, в октябре 1922 г. коммунистической фракцией правительства и Совета министров ДВР было отвергнуто разработанное «Положение о культурных самоуправлениях экстерриториальных национальных меньшинств, проживающих в ДВР», предоставлявшее национальным меньшинствам право образовывать культурно-национальные объединения лишь на местном уровне и существенно ограничивавшее функции органов национального самоуправления.

Закон «Об автономии национальных меньшинств» так и не был принят¹⁵. В дальнейшем установление советской власти на территории бывшей ДВР постепенно привело к утверждению сугубо территориального подхода к решению национального вопроса. Экстерриториальная культурно-национальная автономия была заменена территориальной автономией. Национальным меньшинствам предоставлялось право создавать административно-территориальные единицы — национальные районы, национальные посёлки и национальные сельские населённые пункты.

Тем не менее фактически китайским мигрантам были предоставлены все права, реализуемые в условиях культурно-национальной автономии. Согласно Конституции ДВР соблюдались два условия: китайским мигрантам гарантировалось осуществление всех прав на основе полного равенства с другими гражданами ДВР, а также обеспечивалась возможность сохранения ими своих отличительных и традиционных признаков¹⁶.

Партийное руководство РСФСР внесло свои коррективы и в национальную политику ДВР. В русле идеи «революционизации Востока» в ДВР применялись соответствующие формы и методы работы с «восточниками», в частности с китайскими трудящимися, — рабочими частных и государственных предприятий, кустарями, ремесленниками, огородниками.

В городах и крупных населённых пунктах ДВР создавались китайские секции и коммунистические ячейки. В мае 1920 г. китайская секция иностранного отдела в Амурской области начала издание газеты на китайском языке «Коммунистическая звезда». Члены Амурского обкома РКП(б) М.А. Трилиссер, П.Н. Караваев (редактор газеты «Амурская правда») и Е.М. Матвеев приняли на себя политическое руководство и материально-техническое обеспечение газеты¹⁷. Первый номер появился 28 июня 1920 г., а к ноябрю 1920 г. вышло уже 12 номеров газеты «Коммунистическая звезда». Она издавалась три раза в месяц тиражом 5000 экз. и распространялась в г. Благовещенске, Свободном, в деревнях и сёлах области, на приисках, на Западном и Восточном фронтах в полках среди китайцев, в Шанхае, Хэйхэ, Харбине, Цицикаре¹⁸. К 3-й годовщине Октябрьской революции был выпущен пропагандистский листок «Шэхуэй цзинчжун» («Общественный набат»), подписанный «под редакцией Коммунистической китайской партии Амурской области»¹⁹.

В 1921 г. в Благовещенске был создан «Амурский областной союз китайских рабочих по защите труда», но вскоре деятельность союза признали неудовлетворительной. Он был расформирован, а его задачи возложены на китайскую секцию при Амурском губернском совете профессиональных союзов (Амгубпрофсовете). При секции работали пункты по ликвидации неграмотности для китайцев, культурно-просветительные курсы; секция организовывала доклады, лекции и спектакли для китайских рабочих²⁰.

В Хабаровске китайская коммунистическая секция начала действовать с 16 июня 1921 г. под руководством Приамурского областного Союза китайских рабочих, председателем которого стал Сун Динъю, одновременно была организована китайская комячейка. Создание секции и коммунистической ячейки было негативно воспринято китайским обществом Хабаровска и китайским консульством, которые, выступив с устными протестами против деятельности китайских коммунистических организаций, перешли к физическому устранению активистов²¹. В помещении китайской секции неоднократно проводились обыски, многих арестовали. В октябре 1921 г. был убит активист организации Тянь Доян, председатель областного Союза китайских рабочих Сун Динъю исчез при невыясненных обстоятельствах²².

От начальников артелей («старшинок») в адрес рабочих стали поступать угрозы, что после вступления в секцию они не смогут вернуться в Китай. Всё это привело к массовым отказам китайских рабочих вступать в секцию. Бюро секции под председательством Сюн Синуна вынесло решение: секретарю секции Лю Бинмо, активистам Ма Цунвану и Сюй Дикую немедленно выехать в Благовещенск. Им выдали проездные документы и продукты на время поездки²³. Прежняя форма работы с китайскими трудящимися возобновилась только в 1922 г. При Приамурском областном бюро РКП(б) 5 июля 1922 г. была создана корейско-китайская секция, денежные средства для её работы выделяло Дальбюро ЦК РКП(б)²⁴.

В 1922 г. в Чите начала работу китайская коммунистическая ячейка. За 3 месяца своего существования она провела 9 заседаний, на которых заслушивались доклады по вопросам истории и программы РКП(б), о международном рабочем движении и др. За это же время ячейка организовала четыре митинга китайских

рабочих на Черновских коях и в Чите. Созданный из числа китайских рабочих Забайкалья комитет по оказанию помощи НРА ДВР провёл работу по сбору денежных средств, продуктов питания для раненых бойцов и командиров. В начале января 1922 г. делегаты от китайских рабочих Забайкалья присутствовали на Всероссийском съезде китайских рабочих в Москве²⁵.

Советское правительство всячески способствовало деятельности созданного в апреле 1917 г. в Петрограде Союза китайских граждан, в декабре 1918 г. переименованного в Союз китайских рабочих. В России он ставил своей задачей организацию китайских трудящихся вместе с русскими рабочими для борьбы против контрреволюции и интервенции. Под руководством союза, в котором насчитывалось 60 тыс. китайских трудящихся, организовывались кассы взаимопомощи, создавались школы политграмоты, коммунистические ячейки. Союз стал первой организацией, объединившей значительное количество китайских рабочих, пропагандировавшей в среде китайских мигрантов революционные идеи и функционировавшей до создания КПК²⁶.

Для защиты интересов китайских подданных создавались местные отделения. К середине 1920 г. такие отделения Союза функционировали в Верхнеудинске, Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке и других городах. Союз китайских рабочих в Чите 16 января созвал первое общее собрание китайских рабочих, в котором приняло участие 200 китайцев. Главной его задачей была признана защита правового и экономического положения китайских рабочих в ДВР. Союз также приступил к просветительной работе среди китайских трудящихся²⁷. В Благовещенске Амурский областной Союз китайских рабочих курировал деятельность клуба-читальни, постоянного двора, больницы с китайским доктором, школы, потребительской лавки для китайцев²⁸. Как отметил в своём исследовании историк Гао Цзиншань, «...деятельность Союза китайских рабочих сыграла значительную роль в распространении в среде китайских мигрантов марксистско-ленинских идей»²⁹.

В период существования ДВР были намечены ориентиры для дальнейшей работы с китайским населением, которое негласно делилось на «трудящихся», в их среде были начаты мероприятия по интернационализации и революционизации в соответствии с принципами советской национальной политики, и «предпринимателей», куда относились контрабандисты, промысловики, частные торговцы, которые в отличие от предыдущей группы не рассматривались как будущий революционный авангард на Востоке и продолжали свою деятельность в ДВР в силу социально-экономического положения в дальневосточном регионе и сложившейся практики взаимодействия населения порубежных территорий России и Китая.

Приказом Амурского областного эmissара правительства ДВР Д.А. Носок-Турского от 20 декабря 1921 г. местным органам власти вменялось в обязанность уделять пристальное внимание охране прав иностранных граждан, особенно граждан Китайской Республики³⁰. В докладах китайских наблюдателей пекинскому правительству отмечалось, что «правительство ДВР.. оказывает содействие репатриации наших рабочих, не навязывает ныне китайцам неконвертируемые бумажные деньги, на их домах вывешиваются китайские флаги с целью защиты и в знак уважения к приезжающим из Китая персонам правительственного ранга, постоянно демонстрируется доброжелательное отношение к нашей стране»³¹.

В соответствии с соглашением, подписанным 7 марта 1921 г. на ст. Маньчжурия представителем Хэйлунцзянской провинции Чжун Юем и заместителем министра транспорта ДВР В.В. Рябиковым, размер пошлин, взимаемых с китайских торговцев в ДВР при ввозе и вывозе товаров, устанавливался не выше

уплачиваемых русскими купцами в пределах Китайской Республики³². В 1922 г. в Чите из 1153 предприятий розничной торговли 510 принадлежали гражданам Китайской Республики, в Амурской области 391 предприятие принадлежало русским, 510 — китайцам. В Хабаровске почти 80% всех предприятий были китайскими³³.

Создавались совместные русско-китайские предприятия. 12 октября 1920 г. было зарегистрировано «Китайско-русско-маньчжурское торгово-промышленное товарищество» («Kitamarus»), отделение которого открывалось во Владивостоке, а главная контора находилась в Харбине. Основной капитал определялся в 30 тыс. золотых рублей, из этой суммы 5 тыс. руб. были внесены гражданином Китайской Республики Ян Ванцаем³⁴. Решением Комиссариата иностранных дел Амурской области, принятым на заседаниях в марте—апреле 1920 г., иностранным подданным либо русским частным лицам разрешалось провозить за границу деньги не более 5 тыс. руб., однако китайским торговым фирмам дозволялось, направив уведомление в Комиссариат снабжения и продовольствия, провозить свыше 25 тыс. руб.³⁵

В Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске, Чите продолжали существовать китайские кварталы. Как и в начале XX в., для китайских кварталов были характерны антисанитария, скученность, наличие значительного количества притонов и игорных домов. Так, в ходе массовой проверки, проведённой в феврале 1921 г. благовещенской милицией в китайском квартале, было обнаружено 32 опиекурильни, 4 банковки, 13 публичных домов, 4 морфиекурильни и 4 тайных бойни краденых лошадей³⁶.

При наблюдавшемся товарном голоде китайские предприниматели выступали в качестве посредников в торгово-экономических отношениях ДВР и Китая. Так, дрова из Забайкалья в Маньчжурию их агенты направляли в обмен на продуктовые и промышленные товары, которые поступали в распоряжение областных народных революционных комитетов, а затем распределялись среди населения через областной продовольственный отдел³⁷. В Амурскую область доставка пшеницы, муки и промышленных товаров из Харбина осуществлялась при широкой поддержке китайских торговцев³⁸. Так, в октябре—декабре 1920 г. торговец Юн Фучан по договору с отделом внешних заготовок Амурской области закупил в Северо-Восточном Китае и доставил в Благовещенск 90 тыс. пудов пшеницы и 20 тыс. пудов ячменя на общую сумму 104 тыс. 500 даянов³⁹.

Во всех крупных городах Дальнего Востока продолжали существовать китайские коммерческие общества, руководили ими китайские консульства на территории ДВР. Китайские общества были тесно связаны с Пекином, их деятельность контролировалась китайскими консульствами на территории ДВР и представителями официального китайского правительства. В свою очередь они сохраняли власть над рядовыми китайцами, в том числе и не являвшимися членами обществ⁴⁰.

В сентябре 1920 г. в Амурской областной милиции рассматривались вопросы, связанные с деятельностью китайских обществ и китайского консульства на этой территории. Отмечалось, в частности, что общества и консульство арестовывают китайцев за преступления, совершённые на русской территории. В связи с этим Управление иностранными делами нарревкома Амурской области направило в китайское консульство в Благовещенске заявление, в котором подчёркивалось, что право ареста и суда на русской территории принадлежит только русским властям⁴¹.

Немало споров вызывало существование китайской полиции на средства китайских обществ. Правительство ДВР разрешало обществам иметь свою вооружённую охрану при условии её полного подчинения милицейскому управлению

ДВР. В китайских кварталах разрешалось находиться китайской консульской охране, которая, впрочем, не имела права самовольно производить в этом квартале обыски и аресты. Во всех случаях она была обязана обращаться к русской милиции и оказывать ей полное содействие⁴².

Одним из факторов присутствия китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке была развитая контрабандная торговля. Она носила преимущественно потребительский характер и была вызвана недостатком в снабжении рынка легальными товарами по приемлемым ценам. Спрос российского населения и китайских мигрантов при недостаточно развитой сети госторгов и потребкооперации в приграничных районах не мог быть удовлетворён внутренним товарным предложением. Высокие ставки железнодорожных тарифов вели к удорожанию стоимости товаров, транспортируемых из Центральной России. Достижению эффективного результата в уменьшении объёмов контрабанды препятствовали и недостатки в работе таможенных органов, а также госбезопасности и судебных структур. В 1921—1922 гг. по Дальневосточному таможенному округу было зарегистрировано 10 016 задержаний контрабанды на сумму 352 874 руб.⁴³ Контрабандные товары как легально перевезённые (путём установления поддельных таможенных пломб) в большом количестве продавались в магазинах китайских фирм населённых пунктов ДВР.

Китайское население на территории ДВР занималось макосеянием. Местные органы власти создавали многочисленные комиссии, принимали решения об обложении макосеятелей штрафами и т.п. В Амурской области в 1921 г. принимались меры по регулированию макосеяния. Областной отдел здравоохранения обратил внимание на недостаток опия и добываемых из него продуктов — морфия, кодеина и т.п. В целях государственного регулирования сбора опия была создана специальная комиссия. Так как собирали опий обычно китайцы, для оплаты их труда решено было выдавать засевищикам мака задатки в размере 28 тыс. руб. за каждый предполагаемый к снятию фунт опия. Финансовый отдел Амурской области открыл кредит в 85 млн. руб.⁴⁴ Сотрудникам милиции предписывалось не препятствовать сбору опия на полях и свободному провозу его в пределах Амурской области, однако запрещался провоз опия через пропускные пункты на границе с Китаем⁴⁵.

В 1922 г. только в Никольск-Уссурийском уезде посевами под мак было занято около 1550 десятин земли. В период сбора опия под видом рабочих из-за границы массово прибывали хунхузы, и криминальная обстановка, особенно в приграничных районах, значительно ухудшалась⁴⁶. Опий после сбора сначала проваривали особым способом, затем, чтобы не засыхал и не портился, заворачивали в тонкую промасленную бумагу, которую китайцы контрабандно ворохами везли на российскую сторону⁴⁷. На чёрном рынке стоимость опия была очень высока, поэтому его контрабанда являлась выгодным делом. В контрабандной торговле опиумом участвовали пограничные чиновники, железнодорожный персонал, китайская полиция.

27 июля 1922 г. декретом ВЦИК и СНК РСФСР было запрещено возделывание опийного мака, производство опия и опиекурение. Однако на Дальнем Востоке, в сезон 1922 г. опиум ещё принимали на реализацию. Так, в сентябре 1922 г. нарревком Приморской области около 32 пудов опиума отправил в Иман члену правительства ДВР И.В. Слинкину для дальнейшей транспортировки в Хабаровск «...в обеспечение ссуд для заготовки обмундирования воинским частям Приморья»⁴⁸.

Итак, китайские мигранты продолжали свою торговую, промысловую и хозяйственную деятельность на территории российского Дальнего Востока, в том

числе и в ДВР. Продолжалась деятельность китайских обществ и союзов. Китайская миграция по-прежнему являлась важным аспектом социально-экономической жизни региона, несмотря на присущие ей криминальные факторы (контрабанда, опиекурение, макосеяние и т.п.) и нерешённость ряда правовых проблем (подсудность китайских мигрантов, паспортные ограничения и т.п.). Национальная политика в ДВР в отношении китайцев строилась с учётом региональных особенностей, в соответствии с принципами советского национального строительства, руководящую роль осуществляла Дальневосточная организация РКП(б), действовавшая в соответствии с указаниями советского руководства. Исходя из большевистской программы, всем нацменьшинствам на территории республики (включая китайских мигрантов) предоставлялось право на культурно-национальную автономию, хотя закон об автономии так и не был принят.

Так как китайские мигранты на территории республики в силу характера своего труда были разобщены, проведение мероприятий по реализации их прав на культурное развитие было возложено на советские властные органы в регионе, национальные отделы, секции и комячейки. В ДВР были заложены основы новой политики региональных властей в отношении китайских мигрантов (категории «китайские трудящиеся»). Масштабная реализация этой политики, фундаментом которой были советские национальные принципы, происходила уже на советском Дальнем Востоке после упразднения ДВР.

---

¹ Цит. по: Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Владивосток, 2003. С. 374.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1979. Т.42. С. 93.

³ Сонин В.В. Народное собрание — высший представительный орган государственной власти Дальневосточной республики (1920—1922 гг.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 3. Благовещенск, 2000. С. 104.

⁴ Сонин В.В. Дальневосточная конституционная модель (1920—1922 гг.) // Дальний Восток в период революций 1917 г. и Гражданской войны: сб. науч. ст. Владивосток, 1998. С. 183—187.

⁵ Шерешевский Б.М. О принципиальных основах национальной политики Дальневосточной республики (1920—1922 гг.) // Вопросы истории советской Сибири: науч. тр. Сер. ист. Вып. 2. Новосибирск, 1968. С. 42—43.

⁶ Дальний Восток России в период революций... С. 483.

⁷ Шерешевский Б.М. Указ. соч. С. 44.

⁸ Куприянова В.И. Национально-культурная автономия и национальные меньшинства: региональный аспект // Профессионалы за сотрудничество. М., 1988. С. 250—261.

⁹ Проблемы культурно-национальной автономии в суверенном государстве // Проблемы суверенитета в Российской Федерации. М., 1994. С. 151.

¹⁰ Дальний Восток России в период революций... С. 484.

¹¹ Основной Закон (Конституция) Дальневосточной республики. Чита, 1921. С. 27.

¹² Дальний Восток России в период революций... С. 398.

¹³ Там же. С. 485—486.

¹⁴ Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М., 2006. С. 402.

¹⁵ Дальний Восток России в период революций... С. 493.

¹⁶ Проблемы культурно-национальной автономии... С. 148, 150.

¹⁷ ГААО. Ф.П-2617. Оп. 2. Д. 19. Л. 30.

¹⁸ Ли Юйчжэнь. Шиюэ гэмин цяньхоу дэ люй э хуажэнь цзучжи цзи ци ходун (Организации китайских мигрантов в России до и после Октябрьской революции и их деятельность) // Цзилинь дасюэ шэхуэй кэсюэ сюэбао. 1981. № 5. С. 28.

¹⁹ Персиц М.А. Революционные китайские организации на территории ДВР и Сунь Ятсен // Сунь Ятсен. 1866—1966: К столетию со дня рождения / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1966. С. 357—358.

- ²⁰ ГААО. Ф.П-1319. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 5; Д. 5. Л. 6—6 об. 9.
- ²¹ ГАХК. Ф.П-361. Оп. 1. Д. 7. Л. 23—23 об.
- ²² При схожести имён «Сун Диу» и «Сун Динъу» в русской транскрипции и географической близости происходивших исторических событий представляется вероятным, что речь идёт об одном и том же человеке — Сун Диу (правильно — Сунь Цзиу, псевдоним — Жёлтый). В 1918—1920 гг. командовал китайским партизанским отрядом в районе Южного Приморья, в июле 1921 г. вместе со своим отрядом (до 300 чел.) передислоцировался в пров. Цзилинь Северо-Восточного Китая. Возможно, исчезновение Сунь Цзиу при невыясненных обстоятельствах было напрямую связано с получением им приказа направиться в пров. Цзилинь для дальнейшего руководства партизанскими отрядами.
- ²³ ГАХК. Ф.П-361. Оп. 1. Д. 16. Л. 69, 71.
- ²⁴ Там же. Ф.П-335. Оп. 1. Д. 8. Л. 51.
- ²⁵ Грунин Г., Шерешевский Б. В одном строю // Великая дружба: Очерки. Статьи. Воспоминания. Чита, 1959. С. 42, 44.
- ²⁶ Линь Цюнь. Цюань э хуацяо цзучжи — люй э хуагун лянхэхуэй яньцзю (Организации китайских мигрантов в России — исследование [деятельности] Союза китайских рабочих) // Бэйфан луньцун. 1994. № 1. С. 101, 104.
- ²⁷ Грунин Г., Шерешевский Б. Указ. соч. С. 42.
- ²⁸ ГАХК. Ф.П-44. Оп. 1. Д. 594. Л. 14.
- ²⁹ Цит. по: Гао Цзиньшань. Люй э хуагун цзай макэсычжуи чуаньбо чжун дэ тэшу цзююн (Особая роль китайских рабочих в России в распространении марксизма) // Дан ши бошай. 2004. № 11. С. 48.
- ³⁰ РГИА ДВ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 17. Л. 4.
- ³¹ Цит. по: Ларин А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: ист. очерк. М., 2003. С. 100.
- ³² ГАЧО. Ф.Р-18. Оп. 1. Д. 75. Л. 41.
- ³³ Сонин В.В. Экономическая политика ДВР и её правовое обеспечение // Государственно-правовое развитие дальневосточного региона и роль органов внутренних дел в этом процессе: сб. науч. тр. Хабаровск, 1994. С. 28.
- ³⁴ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 969. Л. 47, 49, 213—218.
- ³⁵ ГАРФ. Ф.Р-9119. Оп. 1. Д. 31. Л. 11, 13 об.
- ³⁶ Худяков П.П. Влияние иностранного фактора на формирование криминогенной обстановки в дальневосточном регионе в 20-е гг. XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 4. Благовещенск, 2002. С. 377.
- ³⁷ ГАЧО. Ф.Р-622. Оп. 1. Д. 2. Л. 12—14.
- ³⁸ Меркурий. 1920. 8 нояб.
- ³⁹ ГАЧО. Ф.Р-18. Оп. 1. Д. 54. Л. 86—86 об.
- ⁴⁰ Ларин А.Г. Указ. соч. С. 108.
- ⁴¹ РГИА ДВ. Ф.Р-4391. Оп. 1. Д. 25. Л. 60.
- ⁴² ГААО. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1. Л. 87.
- ⁴³ РГИА ДВ. Ф.Р-2422. Оп. 1. Д. 829. Л. 29—32.
- ⁴⁴ ГААО. Ф.р-114. Оп. 1. Д. 80. Л. 14—17.
- ⁴⁵ РГИА ДВ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 17. Л. 66а.
- ⁴⁶ Там же. Ф.Р-2422. Оп. 1. Д. 199. Л. 50—50 об.
- ⁴⁷ Тихоокеанская звезда. Хабаровск, 1926. 22 июля.
- ⁴⁸ ГАПК. Ф.П-2576. Оп. 1. Д. 36. Л. 85.

SUMMARY: In her article “A conception of cultural–national autonomy in the Far Eastern Republic” Olga V. Zaleskaya states that in the Far East republic a prominent aspect of the social and economic life of the region was the Chinese migration. The right to a cultural–national autonomy has actually been given to the Chinese workers in the Republic territory as to a national minority. In the article the author considers in detail the bills of granting the right of the cultural–national autonomy to the Chinese migrants in the Far East republic, characterizes the social and economic position and a legal status of the Chinese citizens in the Far East republic’s territory, analyses the role of national departments, sections and communistic cells in realization of the Chinese migrants’ right for a cultural–national autonomy.